

Мирон Боргулёв

Родился в Смоленске. Учился в Москве, служил в Беларуси, сейчас работаю в Саратове. Что-то засиделся, пора уже в очередной раз поменять место жительства. Как и любой человек, постоянно сталкиваюсь с разного рода инфраструктурами и большими проектами. Сначала как их элемент, а теперь немного и как участник проектирования. Люблю что-нибудь придумать и посмотреть, что из этого получится.

miron.borgulev@gmail.com

БОЛЬШИЕ

О гармонии замысла

Что общего у таких вроде бы разных процессов, как установление единых мер измерения, присвоение и закрепление фамилий у широких народных масс, революция, коллективизация, организация севооборота сельскохозяйственных культур, перепланировка городов и строительство новых? Эти процессы происходили в самое разное время, в самом разном масштабе, в самых разных местах, с самыми разными хозяйственными системами...

Однако общее всё же есть. Все эти процессы, так или иначе, навязывались «сверху», государственной властью или группами интеллектуальных элит, и почти всегда терпели поражение. Не в том смысле, что не имели результата совсем, а в том, что результат получался совсем не таким, как предполагали их авторы, а гораздо хуже, нередко с катастрофическими социально-экономическими последствиями. «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Собственно, о таких глобальных социальных проектах и причинах их неудач и рассуждает Джеймс Скотт в книге «Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни»¹, анализируя материал самых разных событий. Материала у автора достаточно: это и полевые экспедиции в Юго-Восточной Азии, давшие блестящее понимание устройства доиндустриальных сельских сообществ, и работа с самыми разнообразными историческими документами в процессе стажировок в различных университетах Нового и Старого Света.

Получилось широкое исследование насаждаемых «сверху» больших проектов перестройки социальных систем.

Ведь все перечисленные процессы были связаны с идеями о том, как лучше организовать жизнь социальных организмов: государства, города, сельских общин — в соответствии с представлениями элиты о красоте и порядке. А также — с необходимостью измерять и контролировать жизнь общества, изначально связанной со сбором налогов и организацией обороны государства.

Тема взаимодействия измеряющих структур с обществом проходит красной линией через всю книгу. И главный вывод, который делает автор: рано или поздно подобные системы измерения начинают стремиться к такому изменению общества, чтобы нужные его параметры было легче измерять. Часто это приводит к упрощению социальной структуры, но здесь включаются механизмы общественной самозащиты: такая организация «снизу», которая противодействует проектам власти, изменяет их суть, подстраивает их под привычную жизнь сообщества. Нередко такое противодействие и спасает общество от полного разрушения под «мудрым руководством» элит.

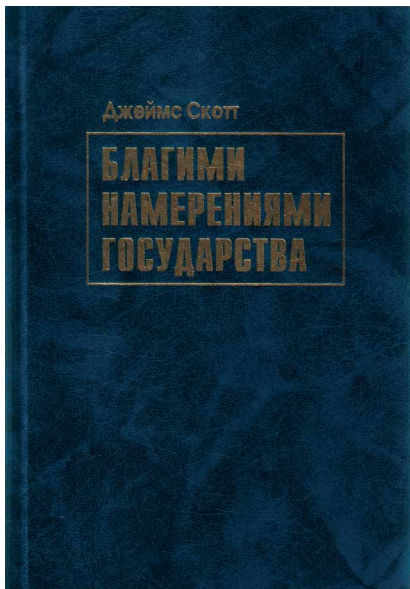
Здесь мы приходим к главной теме книги. Для обозначения такого поведения руководства автор вводит термин «авторитарный высокий модернизм». Это тот случай, когда у людей, находящихся в политической или интеллектуальной элите, формируется представление о том, «как должно быть», — и реализуется в крупных социальных проектах без оглядки на традиционные практики и мнение населения. Авторитарный высокий модернизм может базироваться на любых идеологических концепциях, и его носители встречаются в самых разных лагерях.

Вот как описывает это сам автор: «Я полагаю, что многие из наиболее трагических эпизодов государственного развития в конце XIX и в XX веке сопровождала особо губительная комбинация из трёх элементов. Первый из них — это административное рвение,

¹ James C. Scott. Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed.

ПРОЕКТЫ

со здравым смыслом

стремящееся навести порядок в природе и обществе, стремление, наблюдаемое в научном лесоводстве, но поднятое на более высокий и претенциозный уровень. <...> Если вообразить пантеон или зал славы представителей высшего модернизма, там почти наверняка были бы имена графа Анри де Сен-Симона, Ле Корбюзье, Вальтера Ратенау, Роберта Макнамары, Роберта Мозеса, Жана Моне, шаха Ирана², Дэвида Лилиентала, Владимира Ленина, Льва Троцкого и Джулиуса Ньерере. Эти люди хотели пересмотреть и рационально перестроить все аспекты социальной жизни, чтобы улучшить условия существования человека. Как убежденные, высокий модернизм не был ис-

ключительной собственностью какого-нибудь политического направления; у него были, как мы увидим, и правые, и левые варианты. Второй элемент — безудержное использование власти современного государства как инструмента для реализации этих проектов. Третий элемент — ослабленное, обесцененное гражданское общество, которое не имеет возможности сопротивляться претворению этих планов в жизнь. Идеология высокого модернизма заставляет желать такой перестройки; современное государство обеспечивает средства для действий в соответствии с этим желанием; выведенное из строя гражданское общество выравнивает социальный ландшафт, чтобы строить эти утопические (или антиутопические) общества».

XX век во многом и был веком «высокого модернизма» и порождаемых им проектов. И на примере самых разных процессов автор показывает, как реализация первоначально рациональных и красивых идей приводит к антиутопии вместо утопического общества. Получаются идеальные города, в которых невозможно жить, рациональные сельскохозяйственные общины, не способные прокормить себя, и т. д. Во многом это объясняется тем, что нередко потребности отдельных людей, а то и хозяйственной системы в целом, не укладываются в рациональную картину интеллектуалов и правителей. А ресурсов на то, чтобы «железной рукой» загнать людей в счастье, — не хватает. Ещё печальнее результаты такого управления оказываются там, где в «рациональную» картину не впи-

сываются законы природы, как это случилось в проекте деревень уджамаа³ в Танзании. Между тем, из-за заедания машины современного государства и отсутствия механизмов противодействия ей, остановить проект, когда он уже начинает давать незапланированные результаты, порой становится практически невозможно.

Особое внимание автор уделяет альтернативным концепциям, направленным как раз на самоорганизацию «снизу», учёт мнения населения и работу неформальных связей, — всё это проекты высокого модернизма стараются максимально формализовать либо разрушить. Здесь подробно рассматривается заочная дискуссия В. И. Ленина и А. Коллонтай об устройстве управления социалистической партией и такая же заочная, да ещё и разделённая временем, «дискуссия» Ле Корбюзье и Джейн Джекобс о городском планировании и управлении городскими сообществами. Автор достаточно полно показывает аргументацию обеих сторон, однако всё же не даёт ответа на самый главный вопрос: где же оптимальное соотношение между «высоким модернизмом» и самоорганизацией «снизу».

XX век был временем формирования и краха проектов высокого модернизма. И книга Джеймса Скотта является блестящим анализом причин их возникновения и краха. Между тем, высокий модернизм нигде не исчез, его черты можно заметить и в насаждении стандартов западной демократии, и в проектах противодействия этому процессу, и во внутренней и «внешней» политике транснациональных корпораций... Да и большие проекты нигде не исчезли. Поэтому данная книга является отличным пособием для проектировщиков больших проектов XXI века — в том, как не повторить ошибок высоких модернистов, а реализовать проект в гармонии замысла со здравым смыслом.

² Имеется в виду последний шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви (1919–1980), правивший в 1941–1979 годах.

³ Социализм «уджамаа» — модель развития общества, построенного на свободных аграрных объединениях общинников. Эти общины (уджамаа), хотя часто и определяются как кооперативы или колхозы, сохраняют традиционные примитивные хозяйственные отношения. Практика показала недостаточную экономическую эффективность кооперативов уджамаа — Танзания осталась неиндустриализованной страной с сохранившейся от колониального периода экспортной специализацией.